

Дарья Донцова

Дневник пакостей снежинки

Любительница частного сыска **Даша Васильева**

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Дневник пакостей Снежинки

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Дневник пакостей Снежинки / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2018 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-04-098723-8

Думаете, такое было только в комедии «Ирония судьбы...», где в типовых кварталах обнаружили две 3-и улицы Строителей? Даша Васильева тоже стала жертвой чьей-то скудной фантазии, ведь в Ложкине рядом с ее улицей Сосновой есть и улица Еловая. Она уже привыкла, что почтальоны и курьеры постоянно ошибались. Но когда к ней в дом вдруг ворвалась богато одетая дама и прямо с порога принялась демонстрировать некий современный чудо-пылесос – тут уж удивлению Дарьи не было предела! Пока все домочадцы в состоянии легкого шока наблюдали за шедевром инженерной мысли, который с залихватским причмокиванием пожирал домашние вещи, незваная гостья вдруг упала на пол и потеряла сознание. С этого момента начали стремительно развиваться события самого странного и запутанного дела в жизни любительницы частного сыска...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098723-8

© Донцова Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарья Аркадьевна Донцова

Дневник пакостей Снежинки

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Если мужчине предстоит серьезный разговор, он думает о том, что скажет, если женщине предстоит серьезный разговор, она бежит выбирать платье.

Маша посмотрела на Феликса, только что произнесшего эту фразу.

– Ну в нашем конкретном случае ты не прав, похоже, Дегтярева совершенно не волнует то, о чем он будет беседовать с начальством, и...

Договорить Манюне не дал полковник, он вбежал в гостиную с куском коричнево-фиолетовой ткани в руке.

– Что это? – закричал Александр Михайлович.

– Какая-то тряпка, – пожала я плечами.

Толстяк встряхнул «тряпку».

– Ой, это брюки, – удивился Маневин, – цвет немного... э... депрессивный. Но зимой вполне сойдет. Чьи они? Манечка, твои штанишки?

– У меня такого ужаса никогда не было, – возмутилась Маруся, потянувшись к коробке, взяла конфету и уронила ее.

К шоколадке немедленно кинулась собака Мафи, она всегда следит во все глаза – не упадет ли на пол что-то вкусное. Но Мафушу совершенно неожиданно опередил мопс. Апатичный Хучик, который ходит медленно с видом монаршей особы, на сей раз проявил чудеса ловкости вкупе со скоростью и слопал трюфель в тот момент, когда Мафуша подлетела к столу. На морде Мафи появилось выражение искреннего недоумения, в глазах застыл вопрос: «Эй, что происходит? Я прекрасно видела, как вкуснотень спланировала на пол».

– Это мой выходной костюм, – заявил Дегтярев.

– Я вижу только брюки, – сказал Феликс.

– Похоже, ты в них в последний раз выходил на парад в честь победы войск Кутузова над Наполеоном, – хихикнула Манюня, – вид у штанишек... э... слов не могу подобрать.

– Антикварный, – подсказал мой деликатный профессор.

– Жуткая шмотка, – вздохнула Манюня, – думаю, что десять первых ее владельцев скончались от глубокой старости.

– Обноски – устаревшее понятие, – загудел Маневин, – так говорили до девяностых годов прошлого века. Нынче это слово исчезло из обихода. В наши дни то, что висело в гардеробе пятнадцать лет в ожидании, когда хозяйка похудеет, называется винтаж и стоит дороже нового.

– Костюм новый, я надевал его один раз, – возмутился полковник.

– Когда? – искренне удивилась я.

– В день получения диплома о высшем образовании, – заявил Дегтярев, – он прекрасного качества, производства ГДР, ему сносу нет. Материал настоящая шерсть. Костюм отлично сидит.

Юра оторвался от компьютера.

– А почему ты его не носил?

Полковник встряхнул ужасные брюки.

– Он достался мне по благу. Стоил дорого. Я, когда за ним в подвал шел, в темноте споткнулся о трубу канализации и упал. Но это не помешало мне костюм забрать, я схватил пакет и дал деру. Лечу к подземке и думаю: «Что там? Какой цвет? Фасон?» В метро испугался: вдруг он клетчатый? Или в черно-белую полоску? Дома с замиранием сердца развернул обертку. О! О! Шедевр! Мечта! Я оказался самым модным на курсе! Даже у ректора костюм был хуже!

Глаза Юры расширились.

– Ты его украл?

Александр Михайлович вскинул подбородок.

– Более идиотского вопроса никогда не слышал. Хоть и разных людей встречал. Я? Украл? Я, отдавший жизнь борьбе с нарушителями закона? Я спер? Юра, очнись!

– Извини, – промямлил мой зять, – ну... ты так вдохновенно описал процесс: подвал, темнота, труба канализации, упал, взял пакет, ты не знал, что в нем. Вот я и решил, что ты стырил костюм и ушел огородами. А что такое блат?

Я стиснула зубы, чтобы душивший меня смех не вырвался наружу.

– Блат? – повторил Маневин. – Ах, блат!

– Полковник сказал: получил по блату, – пустился в объяснения Юра. – Ты заказал костюм за границей? Это онлайн-покупка? Ты не видел фото в каталоге, поэтому не знал, какой у него цвет?

– Юра, блат – это не название интернет-магазина, – заговорил Феликс, – блат – это отношения людей. В советское время в магазинах почти не было качественных товаров.

– Помню, – кивнул Юра, – мы с мамой стояли за сливочным маслом, мне, наверное, было лет пять, на моей ладошке какая-то тетка номер написала. А я расстроился, стал плакать...

– Ты вспоминаешь начало девяностых, – остановил его Феликс, – а я о более ранних временах говорю. Купить в семидесятых годах, например, импортный мужской костюм можно было только по блату. Допустим, ты покупатель, а я продавец в магазине одежды. Ты приходишь и спрашиваешь: «Где можно найти Феликса?» Отвечаю: «Это я». Ты продолжаешь: «Здрассти, я племянник Марии Ивановны из детской поликлиники. Она вашему сыну Вадику зубы лечит. Мне нужен выходной костюм». Я говорю: «Есть двойка из ГДР и из Финляндии. Вторая дороже». Ты выберешь что-то, узнаешь цену, и мы обменяемся. Ты получишь пакет, я денежки. Недешево тебе обновка обойдется, ценник выше, чем в торговом зале, но в магазине жук и жаба на вешалках. А если что-то вдруг «выбросят» на прилавок, люди стоят в очереди целый день. Вот это блат. Покупка по знакомству. И чаще всего операция «деньги-товар» проходила в подвале, в подсобке, в туалете. Не на глазах у всех.

– Понимаю, ты хранил брюки как память о молодости, – сказала я. – Но зачем сейчас их вытащил?

– Если кто забыл, у меня скоро день рождения, – надулся Дегтярев.

– Помним, – хором ответили все.

– Хочу праздника! – заявил Александр Михайлович.

– До юбилея еще далеко, – удивилась я.

Полковник налетел на меня, как дятел на гусеницу.

– По-твоему, я имею право весело проводить время с гостями раз в десять лет?

– Ты неправильно меня понял, – возразила я.

– А как еще можно интерпретировать слова «до юбилея еще далеко»? – надулся Дегтярев.

– Просто я удивилась, – стала оправдываться я, – знаю, что ты терпеть не можешь гостей, всегда сердисься, когда я собираю компанию, которая тебя поздравить хочет. До твоей даты больше полугода.

– Хочу праздника, – повторил толстяк, – чтобы было много людей, подарки, все меня хвалили бы, пили за мое здоровье.

– Прекрасная идея, – обрадовалась я и осеклась. – Эй! Никак ты задумал нарядиться в день рождения в брюки, которые сейчас притащил?

– А что? – покраснел Дегтярев. – Чем ты опять недовольна?

– Ну... они катастрофически тебе... – начала я.

– ...плохо смотрятся, – перебила меня Манюня, – они не модные. Широкие у талии. Заужены книзу. С манжетами. Лучше их спрятать. Через десять лет они снова будут на пике моды, и ты их выгуляешь.

– Да? – протянул полковник. – Такие сейчас не носят?

– Жуть фиолетовая, ее похоронить надо, – неожиданно снова брякнул всегда молчаливый Юра. – Ой!

Услышав последнее восклицание, я догадалась, что Манюня или незаметно ущипнула мужа за бок, или наступила ему под столом на ногу.

– Помнишь, со мной в одном классе училась Рита Головина? – зачастила Манюня. – Она сейчас байер, поедем к ней завтра, подберем тебе прекрасный костюм. Ритка скидку сделает.

– Конечно, помню ее, – кивнул полковник, – очень даже хорошо помню.

Мне стало смешно. Если учесть, что Александр Михайлович был в школе у Маши от силы два раза за все годы ее учебы, то он непременно, конечно же, вспомнил, о какой Манюниной подруге идет речь. Когда Дегтярев врет, у него слегка косит левый глаз, он и уехал сейчас в эту сторону.

– Но я не надену кожаный комбинезон с капюшоном, – выпалил толстяк.

– И правильно, – одобрил Маневин, – это не твой стиль.

– А кто говорил о таком наряде? – изумилась Маша.

– Ты, – удивился полковник, – решила познакомить меня с девушкой-байкером.

– Байером, – по слогам произнес Маневин, – слова похожи, но Рита не фанатка мотоциклов. Байер закупает вещи за границей и привозит их для продажи в Москву. Люди этой профессии диктуют моду, от них зависит, что обычные граждане носить будут.

Маруся хотела продолжить, но не успела, потому что в комнату со словами:

– Простите, на дорогах сплошные пробки, – вошла женщина в дорогом костюме от Шанель, на плече у нее висела новая вариация сумки Диор, такая стоит около десяти тысяч евро, в ушах сверкали серьги с бриллиантами, на пальце было кольцо им в пару. По самым скромным подсчетам, гостя оделась-украсилась не на один миллион рублей.

Она окинула нас взглядом и продолжила:

– Ждали меня? А вот и он!

Незнакомка поставила на пол нечто круглое, смахивающее на небольшой перевернутый тазик из нержавейки. Она стукнула его ладонью.

– На сердце рана у меня, на сердце рана, – визгливо завопил тазик и резво поехал в сторону Манюни.

Она живо поджала ноги. Странный агрегат прокатился под ее стулом и направился в сторону гостиной, распевая что есть сил:

– Моя любовь полна травой...

– Неправильные слова, – заметил Маневин, – в оригинале «твоя любовь полынь-травя».

– Что это? – спросила я. – И как вы в дом попали?

Глава 2

– Так дверь у вас нараспашку, вы ждете меня, и вопрос «что это?» меня немного удивляет, – выпалила незнакомка, – это же он, тот, что вам нужен, автономный электронный уборщик дома, экономит грузовик нервов и денег. То, о чем вы мечтали! В доме есть горничная?

– Сейчас нет, – грустно призналась я, – никак не могу подобрать подходящего человека.

– Ну и зачем она вам? – спросила гостья. – Наймете бабу, а та окажется воровкой, алко-голичкой-тихушницей, украдет деньги, перебьет посуду, начнет подкатывать к вашему мужу!

Дама показала пальцем на полковника.

– Разве он откажется от гнилого яблока, которое само в руки падает? Результат? Обкрадена хозяйка по всем фронтам: ни денег, ни брака, ни косметики, ни продуктов. О как! А наш уборщик с вашим супругом спать не будет!

– Перестаньте в меня пальцем тыкать, – разозлился Дегтярев, – я не женат на Дарье.

– А зря, – пропела тетка, – упускаете свое счастье.

– Настало лето, знойное лето, – завыл аппарат и наехал на Мафи.

Мирно спавшая псинка вскочила, шарахнулась в сторону и налетела на журнальный столик. Тот незамедлительно упал. Послышался стук. По полу рассыпались шахматы, в которые играют Феликс и Юра, детектив Смоляковой, его положила туда я, и Дуняшина бутылка с компотом.

– Немедленно остановите свой агрегат, – потребовала я.

– А как еще продемонстрировать его идеальную работу? – спросила дама. – Обратите внимание! Все рассыпалось? И! И! И!

Из «тазика» высунулось что-то вроде шланга с широким раструбом. Песня стихла, вместо нее послышалось тихое причмокивание.

– Хуч! – возмутилась я. – Ты опять грызешь плед? Поверь мне, он не вкусный.

– Хучик сидит у меня на коленях, – сказал Маневин, – и ведет себя идеально.

– А кто чавкает? – спросила я.

– Бутылка с компотом! – подпрыгнула Маруся. – Он ее сожрал. Во дает!

– Кто? – осведомилась я.

– Ваш электронный помощник, – гордо пояснила тетка, – и не съел, а убрал. У вас тут все расшвыряно. Порядка нет, сейчас мы его наведем.

– Шахматы! – ахнул Юра. – Теперь пылесос их лопает. Эй, а ну отдай.

– Где мои брюки?! – завопил полковник.

– На тебе, – успокоила я его.

– Нет, нет, – засуетился Дегтярев, – я имел в виду костюмные. Висели на спинке стула, а теперь нет их!

Раздался гудок паровоза.

– Что это? – вздрогнула я.

– Мой телефон, – объяснила незнакомка, – я специально звонок такой поставила, чтобы слышать клиентов. По сто раз в день меня беспокоят! Остался последний уборщик. Берите, а то его другие купят. Алло!

– Где мои брюки? – недоумевал Александр Михайлович.

– Эй! Прекратите разбой, – попросил Маневин. – Он шахматы съел.

– Новая Смолякова! – закричала я. – Еще прочитать не успела!

– Музыкальный привет вам. Иги-иги-иги-го-го-го, – запел пронзительный голос, – го-го-го-иги-иги-иги... а-а-а... ик-ик-ик... а-а-а... ик-ик-ик-го-го-го... о-о-о!

Понять, мужчина или женщина выводит сей набор бессмысленных звуков, было невозможно. Пение оказалось таким пронзительным, что у меня мигом заболела голова, а перед глазами замелькали черные пятна.

Маша встала и решительным шагом направилась к «тазику», который успел проглотить, в прямом смысле этого слова, детектив Милады.

– Немедленно выключите то, что принесли, и избавьте нас от прослушивания сей мантры, – потребовал Феликс.

Но странная гостья никак не отреагировала на его слова. Она держала в руке телефон и безотрывно смотрела на экран. Мне стало не по себе. Лицо дамы вытянулось, заострилось, нос стал длиннее, а глаза больше.

– Го-го-го... иги-иги-иги, – звенело в комнате, – а-а-а... ик-ик-ик...

Маневин вскочил.

– Мы просили прекратить безобразие, но вы не внемлете нашим просьбам. Посему я сам провожу вас до двери. Любезная, прошу на выход. Ваше присутствие в нашем доме неуместно. Мы не приглашали к себе торговца бытовыми приборами.

Несмотря на то что у меня от головной боли смыкались веки, я улыбнулась. Мой муж никогда не теряет вежливости. Кто-то другой просто схватил бы непонятно откуда явившуюся дамочку за шиворот и вытолкнул бы ее вон без лишних слов. А Феликс никогда так не поступит.

Гостья задрожала.

– Вам плохо? – спросила я. – Сядьте скорей.

Особа, которая нагло вошла в нашу столовую, молчала. И тут раздался оглушительный звук выстрела. Я присела и прикрыла голову руками. Через секунду перед моими глазами появились две ноги в плотных черных колготках, они били пятками по полу. Противная мелодия стихла, вместо нее раздался голос Феликса:

– Юра, скорее неси нож, тупой, не для мяса! Для масла!

Я встала и увидела, что незнакомка лежит на спине. Тело ее изгибалось в разные стороны, Маша держала беднягу за руку.

Юра подал Маневину столовый прибор. Тот быстро сунул его лезвие между челюстями дамы.

– Диспетчерская, – закричал в трубку Дегтярев, – «Скорую» к нам. Приступ эпилепсии.

Я схватила бедняжку за щиколотки и попыталась удержать ноги. Но несчастную женщину колотило с такой силой, что моя затея не удалась.

– Надеюсь, врачи быстро приедут, – пробормотал Юра.

– Клиника в десяти минутах езды, – уточнил Дегтярев, – похоже, приступ прекратился.

В ту же секунду я увидела, что ноги незнакомки лежат неподвижно.

– Надо подсунуть ей под голову подушку, – посоветовал Юра.

– Нет, – остановила его Манюня, – я ветеринар, людей не лечу, но, если у собаки случился приступ и он самокупировался, лучше первое время не трогать псинку. Думаю, с людьми так же.

Мы молча смотрели на незнакомку, мне вдруг почему-то стало страшно. В доме повисла тишина, никто не произносил ни слова.

– Где «Скорая»? – возмутилась через какое-то время Маруся.

– Дома есть кто? – раздался женский голос.

– Приехали, – обрадовалась я и поспешила в холл.

– Приступ эпилепсии? – переспросила врач, присаживаясь около незнакомки. – Ну-ну.

– Имя, фамилию больной назовите, – попросил медбрат.

– Мы с ней не знакомы, – ответила я.

– Она лежит в вашем доме, – напомнил медбрат.

Феликс рассказал, как странная тетушка очутилась в нашей столовой. Дегтярев тем временем сходил в свою комнату и вернулся со служебным удостоверением. Лицо медбрата потеряло суровое выражение.

– Я Сергей. А врач – Надежда Михайловна.

– Не нравится она мне, – воскликнула доктор, – лучше ее забрать. Сережа, запроси место. Парень вынул телефон.

– Если не можете предоставить никаких сведений о больной, – продолжала Надежда Михайловна, – и у вас нет ее паспорта и полиса, я обязана сообщить в полицию.

– То, что я тут, вас не устраивает? – нахмурился полковник.

– Простите, нет, – вежливо, но твердо заявила врач, – есть служебная инструкция. Я обязана ей следовать.

– Сумка! – осенило меня. – Наверное, она валяется на полу.

Юра показал на трубку, которая лежала возле гостыи.

– Айфон.

– И что? – не поняла я.

Зять взял телефон.

– Можно найти ее близких.

– Кто у нее в избранных? Банк, дом, Зяма... Секундочку.

Юра потыкал пальцами в экран.

– Мамуля? – спросил детский голос. – Ты где?

– Вы Зяма? – задал свой вопрос Юра, он включил громкую связь.

– Эй! Где вы взяли телефон моей мамы? – возмутилась девочка.

Александр Михайлович отобрал у Юра сотовый.

– Полиция. Полковник Дегтярев беспокоит.

– Ой! – испугалась девочка.

– Все в порядке. Вашей маме стало нехорошо, «Скорая» отвезет ее в больницу.

– Ой!

– Сообщите ее паспортные данные.

– Не знаю, где паспорт, – всхлипнула малышка.

– Просто назовите ее имя, отчество, фамилию.

– Зиновьева Алевтина Михайловна.

– Полис у нее есть?

– Не знаю.

– Вы россияне?

– Да.

– Живете в Москве?

– Да. Не зовите меня на «вы», я маленькая, – заплакала девочка.

Я отняла у полковника трубку.

– Зяма!

– Да.

– Солнышко, не расстраивайся.

– Мама умрет?

– Нет, нет, все будет хорошо. Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Я опешила. Пятнадцать?! Подростки в этом возрасте, как правило, не говорят «я маленькая», наоборот, изо всех сил стараются казаться взрослыми. Но на удивление времени не было.

– Где ты живешь?

– Не помню, – разрыдалась девочка, – ой, мне страшно. Папа умер! А у мамы голова два дня болела.

- Деточка, ты одна дома?
- Да-а-а!
- Сейчас я к тебе приеду.
- Да-а-а! Пожалуйста! Мне жутко!
- Зиновьева Алевтина Михайловна зарегистрирована в Красногорске, – сообщил Юра, который смотрел в свой ноутбук, – в поселке Солнечный рай.
- Зяма, – позвала я.
- Что? – спросила девочка.
- Слышала адрес?
- Да.
- Он ваш?
- Да.
- Скоро я приеду. Но не указан номер дома.
- В поселке имени. Наш коттедж «Снежинка», он стоит самым последним у леса, – прошептала девочка.
- Уже выезжаю, – воскликнула я.
- Мы ее оформили, – сказала Надежда Михайловна, увидев, что я прекратила беседу, – попросите дочь привезти паспорт и полис матери.
- Она в шоке, – заметила я, – не очень удачная идея просить ее приехать в клинику.
- Я великолепно управлялась с двумя маленькими братьями в тринадцать лет, – сердито сказала врач, – мать постоянно моталась в командировки, Петя и Толя на мне висели. Утром в садик их отведу, бегу в школу, после уроков домой, ужин готовлю, мальчиков приведу, спать уложу, ночью домашние задания делаю. Нынешняя молодежь изнеженная! Чуть что, у них депрессия. До тридцати лет они малыши, потом лентяи. Кто-то из ваших мужчин поможет больную в машину отнести?
- Конечно, – хором ответили все.

Глава 3

– Кто там? – спросил из домофона тихий голос.

– Зяма, это Даша, я говорила с тобой по телефону, – представилась я.

Замок щелкнул, я вошла в просторный холл. Похоже, Алевтина Михайловна ни в чем не нуждалась. Дом, в котором она живет, это таун-хаус на две семьи, находится он в поселке, расположенном в лесу. В прихожей, где я нахожусь, на полу уложен фигурный паркет, стоит дорогая вешалка, висит роскошное зеркало в бронзовой раме и люстра ему под стать. На дорожке консоли лежала толстая тетрадь. Я прочитала вслух надпись на обложке: «Дневник радостей Снежинки».

– Я записываю сюда все хорошее, что случилось за день, – объяснила Зяма, – если по моему ничего замечательного не произошло, мама велит подумать, и хорошее всегда находится. Солнце светит – радость, дождик идет – радость. Мама жива?

– Да, не беспокойся, – сказала я, – она поправится. Ты, наверное, будущая балерина?

– Как вы догадались? – удивилась Зяма.

– Ты стоишь, вывернув ступни, и мне стало понятно, что ты каждый день занимаешься экзерсисами, – объяснила я, – если я попробую принять ту же позу, мигом шлепнусь.

– Я учусь в академии танцев Степана Лукина, – прошептала девочка. – Что вы от меня хотите?

– Найди, пожалуйста, паспорт и полис Алевтины Михайловны, – попросила я, – их надо отвезти в больницу.

– Да, – сказала девочка, – я уже нашла их. Где мама?

– В клинике на улице Шляпина, – пояснила я.

– Это где?

– На улице Шляпина, – повторила я.

– Как туда попасть? – спросила Зяма.

– Наверное, на автобусе или маршрутке, – предположила я.

– Там надо деньги платить?

– Конечно.

– У меня их нет, – шмыгнула носом Зяма, – вообще ни копейки. Мама не разрешает мне деньги трогать. Они грязные. Можно заразиться, заболеть и умереть. В общественном транспорте полно микробов. Сейчас бушует эпидемия гриппа. И в больнице можно вирус подцепить. Я одна из дома теперь не выхожу. Раньше ходила в академию, правда, пару раз ключи теряла. Хотите чаю?

Я кивнула.

– Умеете его заваривать? – задала совсем уж неожиданный вопрос девочка.

– Конечно, – улыбнулась я.

– Пойдемте в столовую, – пригласила Зяма.

Я пошла за ней и очутилась в большой комнате со столом, стульями, буфетом – мебель была дорогой, итальянского производства.

– Вот банка, – пролепетала Зяма, – и чайничек.

– Похоже, ты не любишь готовить, – заметила я, включая электроприбор.

– Мама не разрешает, – сказала Зяма, – я могу пролить кипяток, обжгусь, попаду в больницу, умру...

– Тебя, наверное, одну не выпускают в город? – предположила я.

– Нет! Мы с мамой всегда вместе.

– Алевтина Михайловна не работает?

– Она дома рисует. Мама иллюстратор детских книг. Отведет меня в академию и пишет картинку.

Я села за стол.

– Зяма, как тебя зовут?

– Зяма.

– Наверяд ли так в паспорте написано.

– По документам я Светлана.

– Очень красивое имя, – сказала я.

– Маме не нравилось.

Глагол в прошедшем времени резанул слух.

– Света, твоя мама жива.

– Вы уже говорили. Я знаю.

– Почему тогда сказала: «Не нравилось»? Не нравится, – поправила я.

– Нет. Не нравилось, – возразила девочка, – мама так говорит: «Имя Светлана всегда мне не нравилось, но папа так тебя назвал. Противное имечко». Вот. Я Зяма. Можете мне чаю налить?

– С удовольствием, – ответила я, – у тебя есть какие-нибудь родственники?

– Нет. Папа умер. Вот. Бабушек-дедушек, тетей-дядей, слава богу, нет!

– Почему «слава богу», что нет родных? – удивилась я.

– Так мама говорит.

– Зяма, Алевтина Михайловна приехала к нам с пылесосом-роботом. Мы приняли ее за дилера, который ходит по людям и предлагает им делать покупки, получая за это процент от фирмы.

– Нет. Мама художник.

– Зачем тогда она привезла нам агрегат? И вела себя как коммивояжер?

– Слова этого ком... во... жер я не знаю. Простите. Мама вместо тети Липы отправилась.

– Значит, у тебя все-таки есть тетя? – обрадовалась я, давно поняв, что девочку нельзя оставить одну дома.

– Она не настоящая тетя, не по крови. Подруга мамы, они всю жизнь вместе, их родители дружили. Я слишком маленькая, чтобы звать ее просто Липой. Поэтому – тетя.

– Можешь ей позвонить?

– Нет.

– Почему?

– У меня нет мобильного. Только компьютер. Я пользуюсь им для уроков. Мама запретила соцсети. Я в них не хожу. А излучение от ноутбука вызывает рак. Если долго им пользоваться, в день по несколько часов, я заболею и умру.

– Здесь же есть городской аппарат?

– Да! Ой. Я не сообразила. Простите.

Зяма схватила трубку, которая лежала на буфете, потыкала в нее пальцем и дала мне. Через секунду я услышала веселый голос:

– Котенок. Ура! Я все успела сделать. Эй, чего ты молчишь?

– Вы Липа? – осторожно спросила я.

– Боже! Что случилось? Кто это? Почему вы дома у Али? Авария произошла? Да? Господи!

– Все в порядке, – сказала я, – меня зовут Даша Васильева. Алевтина Михайловна приехала к нам в Ложкино с пылесосом.

– К вам? – перебила меня собеседница. – Она же отправилась к Глобусовой!

– А-а-а, – протянула я, – теперь понятно. Мы живем на Сосновой, семь. А Ирина и Михаил на Еловой, семь. Улицы параллельные. Нас постоянно путают. Молочник частенько

привозит Глобусовым наши заказы, а нам их. И доставщики воды тоже невнимательны. Еловая – Сосновая. На мой взгляд, не очень похоже, но вот у почтальона другое мнение. Остается только смеяться, когда в очередной раз путаница происходит. У Алевтины Михайловны эпилепсия?

– Да вроде нет, – ответила Липа, – хотя в последнее время она не очень хорошо себя чувствовала.

– Я у Зямы, – начала я, – девочку нельзя оставить одну. И...

– Боже, боже, боже, – зачастила трубка. – Немедленно расскажите, что случилось?

– Вы далеко находитесь? – поинтересовалась я.

– Я тут, – закричали в телефон, – дверь открываю!

Я не успела сообразить, что происходит, как в столовую ворвалась женщина в джинсах и пуловере с изображением кошки. В волосах у нее сверкала заколка, более подходящая воспитаннице детсада: пластиковая собачка в стразах.

– Тетя Липа! – обрадовалась Зяма.

– Иди в свою комнату, – распорядилась Липа.

Девочка покорно двинулась к двери, но на пороге остановилась и показала на меня пальцем:

– Она говорит...

– Не «она», а Дарья, – тут же остановила Зяму Липа.

– Дарья говорит, – послушно повторила девочка, – мама в больнице, надо ей паспорт отвезти.

– Я разберусь, – пообещала Липа, – пойди отдохни, а потом садись за уроки.

– Можно пазл собирать?

– Пожалуйста.

– Новый!

– Да.

– Ой, спасибо! – захлопала в ладоши Зяма и убежала.

– Ей пятнадцать? – уточнила я. – Или девочка прибавила себе для солидности возраст?

– На днях будет шестнадцать, – сказала Липа. – Понимаю ваше недоумение. Но в связи с рядом обстоятельств Зяма и выглядит, и ведет себя как десятилетка. Теперь рассказывайте, что случилось с Алей.

Глава 4

– Где ты пропадала? – спросила Маша, когда я вошла в дом.

– Сначала я поехала к Зяме, потом отправилась в больницу к Алевтине, – ответила я. – А как Дунечка?

– Похоже, у нее зубы режутся, – вздохнула Манюня, – капризничает весь день, я на террасу ее в коляске выкатила, она там спит. Свежий воздух девочку вмиг уgomонил. Прямо боюсь ее в дом вносить, проснется и снова закричит. Афина ее караулит. Наша собакопони лучше всех радионянь. Стоит малышке закричать, как Афина ко мне несется и тянет на веранду. А зачем ты в больницу ездила?

Я села в кресло.

– В двух словах не описать. Зиновьева так боится за свою дочь, что никуда ее от себя не отпускает...

Маруся некоторое время слушала мой рассказ, потом вдруг встала.

– Мусик, подожди, я кое-что принесу.

Я переместилась с кресла на диван, легла на него, подсунула под голову подушку, накрылась пледом и начала шарить рукой по столику. Отлично помню, что утром положила на него новый роман Смоляковой...

– Вот, смотри, – сказала Манюня, входя в комнату с двумя книгами. – Я собираю для Дуняши библиотеку. Ищу хорошие издания с красивыми картинками. Монстры, всякие ужасы сразу отвергаю. Это сказки о стране, в которой живут кошки. Посмотри на иллюстрации.

Я начала перелистывать страницы и пришла в восторг:

– Какая прелесть! Очаровательно.

– А во второй книге речь идет о стране собак, – сказала Маша, – она соседствует с землями кошек, никто не воет, все дружат. Картинки еще лучше. Мне так понравились иллюстрации, что я посмотрела, кто их автор: Алевтина Зиновьева. Это она к нам приходила.

Я натянула плед до подбородка.

– Очень талантливая и, похоже, добрая женщина, жаль только, что ей в жизни мало счастья досталось. Все хорошее, что она получала, у нее отнимали. Ее подруга Липа...

– Странно называть человека, как дерево, – перебила меня Маруся, – Липа.

– Сокращенное от Олимпиада, – пояснила я, – раньше очень популярное имя, а нынче почти забытое. Липа Маркина и Аля Зиновьева считают себя сестрами. Их родители дружили, работали на одном заводе, вместе построили дачу и славно там проводили лето, никогда не ругались. Когда у Али умер отец, а потом мать, Маркины не позволили забрать девочку в детдом, оформили над ней опеку, воспитали ее как родную дочь. Жизнь Зиновьевой текла гладко, Маркины ее любили, они разглядели у девочки талант, отправили ее заниматься в художественную студию. После школы Аля с первого раза поступила в институт, окончила его, стала иллюстратором книг. Диплом она получила, уже став замужней дамой. Ее супруга Алексея Шереметова можно считать второй после смерти матери и отца бедой. Он не имел ни кола ни двора, ютился в трущобе, работал в НИИ, а в свободное время изобретал какую-то, как сказала мне Липа, – хрень.

Аля же имела собственную квартиру, которая ей досталась от покойных родителей, и неплохо зарабатывала. Липа знала, как подруга любит Лешу, и не говорила ей того, что пришлось на язык. А сказать хотелось многое, ну, например: «С ума сошла! Едва восемнадцать стукнуло, как ты в загс побежала. Да с кем! Неужели не видишь, что он городской сумасшедший? Не моется, не бреется, ходит в обносках, получает копейки, изобретает дребедень. Это не муж! А камень на шее!» Но Олимпиада помалкивала. Она сама надела фату через год после Али. Петя, жених Маркиной, происходил из обеспеченной чиновной семьи, часто летал за гра-

ницу в командировки, одевал, обувал жену, осыпал подарками, имел квартиру, машину, дачу, деньги. У него был близкий друг Костя, тот на свадьбе заметил Алё, попытался за ней ухаживать, но получил резкий отпор. Спустя пару месяцев Петя попросил жену:

– Объясни Алё, что Костик отличная партия. Все при нем. Родители прекрасные, в доме полный достаток, радужные перспективы. На фиг ей нищий идиот Леша?

Липа отважилась поговорить с подругой, но едва она произнесла:

– Ты очень нравишься Косте, – как Алё отрезала:

– А он мне нет. Я замужем.

– Развод не запрещен, – пробормотала Липа.

– Да, – кивнула Алё, – но я люблю Алексея. Мне не нужен кошелек. Я живу с человеком, а не с его деньгами. Замуж пошла потому, что встретила своего единственного. Мне безразлично его материальное положение. Он нищий? Так я сама заработаю.

Липа поняла Алевтину, и более подруги эту тему не обсуждали. Спустя некоторое время Олимпиада поймала супруга с другой женщиной, развелась с ним и до сих пор живет одна. Она не хочет опять себе ярмо на шею вешать. Детей у нее нет. У Али и Алексея родилась Светлана. Имя для девочки выбрал супруг. Алевтине оно совсем не нравилось, но всегда и во всем согласный с женой муж неожиданно проявил характер, заявил:

– Дочь будет Светланой. Конец!

– Ладно, – согласилась Алё, – просто объясни, почему ты так решил.

– Имя – это шанс, – пробурчал Леша.

– На что? – спросила Алевтина.

– Ерунда, забудь, – отмахнулся Алексей.

Когда Света начала ходить в детский садик, то один раз на вопрос мамы: «Как твоя фамилия?», девочка ответила:

– Зяма.

Алё расхохоталась, ну надо же, как малышка переименовала Зиновьеву. Свете понравилась реакция мамы, она стала говорить, что ее зовут Зяма. Алевтина обрадовалась, сама стала так звать дочку. Нелюбимое «Светлана» исчезло из обихода, осталось только в документах.

Алевтина много работала, кормила семью. Алексей сидел в НИИ на самой последней должности, потом вообще ушел со службы. В гараже, где стояла когда-то машина родителей супруги, он оборудовал мастерскую, делал там всякую ерунду. Алевтина откладывала каждый месяц деньги на питание и коммунальные расходы, а остальные отдавала мужу. Тот тратил их на покупку гаек-болтов-железок для своих научных изысканий. Алё отсутствие средств не смущало. Она безропотно носила летом и зимой одно платье, не жаловалась на свой скудный гардероб, одевала дочь в секонд-хенде. И чувствовала себя абсолютно счастливой. Была лишь одна странность. После свадьбы Алевтина хотела взять фамилию супруга, но тот возразил. Алексей сам решил стать Зиновьевым.

– У тебя такая красивая фамилия, – изумилась супруга, – Шереметов.

– Она мне не нравится, – хмуро ответил Алексей, – несчастливая.

Вскоре после свадьбы в доме Алевтины раздался звонок, незнакомый женский голос сказал:

– Спишь в одной постели с убийцей?! Он и тебя жизни лишит.

Перепуганная Алё рассказала о звонке Липе, та махнула рукой.

– Алексей совершенно не годится в мужья. Мало того что он нищий, так еще и лентяй. Не желает копейки в дом принести. Но на убийцу он никак не тянет, муху прихлопнуть не способен. Забудь о дурацком звонке. Телефонный шутник постарался. Майе Касаткиной недавно ночью звякнули и прошептали:

– Езжай скорей на Полярную улицу. Там твой муж с бабой веселится.

– Непременно поеду, – зевнула Майка, – спасибо, что правду сообщил. Может, теперь посоветуешь, где мне жениха найти? Одинокая я.

– Ни на секунду не верю подлецам, – объяснила Алевтина, – мне пару раз звонили парни и хрипели в трубку: «Мама, помоги, я человека сбил! Нужно триста тысяч! Тогда меня не посадят! Принеси их к метро». Я таких сразу посылала в далекое пешее путешествие с сексуальным уклоном. Но тут все ясно, это аферисты, им нужны деньги. А почему мне про убийцу сообщили? Зачем?

– Ты нарвалась на психологического садиста. Мерзавец ждал, что ты заплачешь, испугаешься, начнешь его расспрашивать. Но ты сразу трубку повесила, – объяснила Олимпиада, – не получил подонок удовольствия. Не переживай. Больше он тебя не побеспокоит. Такие сволочи просто абы какой номер набирают, а запоминают его, только если ожидаемые эмоции у абонента вызовут: страх, гнев, ненависть.

Але и правда более никто не звонил. Семья жила счастливо, но бедно, очень бедно, на грани нищеты. И вдруг!

Алексей в конце концов изобрел свою «хрень». И стал обивать пороги российских предпринимателей, пытаясь объяснить, что эта вещь крайне полезная. Но везде получал от ворот поворот. Леша ради изобретения забыл про свое нежелание общаться с людьми и решил искать производителей за границей. И неожиданно им заинтересовалась всемирно известная фирма. О чудо! Зиновьев подписал с ней контракт, появились деньги. Сначала суммы поступали маленькие, но они показались Алевтине огромными. Затем доходы стали увеличиваться, увеличиваться, увеличиваться. «Хрень» пользовалась невероятным спросом во всех странах, ее не успевали производить, а Леша получал отчисления от продаж. Нищие Зиновьевы сказочно разбогатели.

Первым делом Аля купила большой дом, в котором поселилась вместе с Липой. Обзавелась машинами, одеждой, стала брать в работу только те книги, которые ее интересовали, а не все подряд. У Алексея появилась огромная мастерская. Он начал изобретать нечто иное. Теперь Липа прикусила язык, больше не называла его неудачником. Аля же получила возможность осуществить свою мечту детства, правда, через дочку.

Когда-то Алевтине невероятно хотелось стать балериной, но родители отправили ее в общую школу, сказав:

– На сцене пляшут только те, у кого предки танцевали.

Когда Зяме исполнилось пять лет, Аля отправилась с ней на подготовительные курсы при балетном училище. Девочку сочли малоперспективной и не взяли. Но потом, когда в семье появились деньги, Зяму с распростертыми объятиями зачислили за плату в Академию танца Степана Лукина. Зяма занималась с упоением, видела себя примой Большого театра. Судьба дарила Зиновьевым один подарок за другим, потом мешок с подношениями иссяк. И тогда Пандора открыла свой ящик.

Как-то раз Алексей поехал за какими-то покупками для работы и надолго пропал. Часы показывали десять вечера, а муж все не возвращался.

Аля звонила ему, но Леша не брал трубку. Около полуночи на очередной звонок ответил незнакомый мужской голос, он сухо сообщил:

– Зиновьев попал в аварию. Сожалею, но ваш муж мертв.

Глава 5

Алексей стал жертвой пьяного водителя. Сам он правил не нарушал, ехал во втором ряду, не занимал пустую левую полосу, остановился на светофоре. И тут прямо в багажник его автомобиля влетела фура, легковушку отбросило на бетонный отбойник. Изобретатель умер на месте, наверное, он даже не успел понять, что произошло.

Липа боялась, что подруга сойдет с ума, но Аля, пролежав неделю пластом, встала. Западный производитель теперь присылал отчисления от продаж вдове, ее признали единственной законной наследницей. Алевтина стала учиться жить без любимого. Вроде все постепенно наладилось. Зиновьева вела тихую жизнь. И вдруг...

Совершенно неожиданно к Алевтине домой пришла дама неопределенного возраста и заявила:

– Я Светлана Федоровна Шереметова, мать Алексея.

Алевтина, человек вежливый, впустила незнакомку и сказала:

– Мой супруг сирота. Его родители давно скончались.

– Да ну? – воскликнула Светлана. – Давайте сядем, я вам покажу семейный альбом.

– Хорошо, – согласилась Аля, но тут же отправила Липе эсэмэс: «Срочно сюда».

Конечно, у Олимпиады был ключ от половины подруги. Когда Липа вошла в гостиную, она увидела ошарашенное лицо Алевтины. Зиновьева сказала:

– Светлана Федоровна, познакомьтесь с моей сестрой.

– Прекрасно, – отрезала гостя, – надеюсь, она будет более понятливой, чем вы.

– Начните, пожалуйста, рассказ заново, – прошептала Аля.

– Я не привыкла работать заезженной пластинкой, – выпалила гостя, – обычно один раз рассказываю. Но, учитывая обстоятельства...

Дама начала повествование, Липа лишилась дара речи. Аля схватила подругу за руку, она тоже чувствовала себя хуже некуда. Она прожила с мужем не один год, но выяснилось, что супруг почти ничего не рассказал ей о себе.

Оказывается, родители Алексея на момент его свадьбы с Алей пребывали в добром здравии. Отец, правда, вскоре умер. Но Светлана Федоровна до сих пор отлично себя чувствует. Она принесла семейный альбом, продемонстрировала снимки со словами:

– У вас не должно возникнуть подозрения, что я мошенница, поэтому посмотрите фотографии. У нас родилось двое детей. Валерочка и Алексей. Мальчик был на три года старше сестры. Дочка была идеальным ребенком: умница, красавица, жизнерадостная. Ее все обожали. Алексей был мрачным двоечником. Как я его ни воспитывала, толку из него не вышло. Прививала мальчику манеры, но он даже вилкой, не то что ножом, пользоваться отказался, ел все ложкой. «Мне так удобно». Загнать его в душ было проблемой. Уроки делать он не желал. Два раза на второй год оставался. В выпускном классе осел в своей комнате и сообщил:

– Я изобретаю гениальную вещь.

Константин Сергеевич, отец Алеши, по врачам с ним ходил, думал, что у сына болезнь какая-то. Нет. Он был здоров. Характер оказался дурной. В спальне у себя порядок наводить запретил. Один раз я подняла с пола скомканные листы бумаги и выкинула. Боже! Он устроил такую истерику! Оказывается, я уничтожила его невероятно важные расчеты. В институт его еле засунули. Так он со второго курса ушел. Объяснил: «Мне это не интересно. Отвлекает от изобретения». Муж в сердцах закричал:

– В стройбат тебе дорога.

Алексея призвали в армию. Но через три месяца домой вернули. Почему? Ответ: идиот! Вы когда-нибудь слышали о парне, которого даже в воинской части сочли настолько тупым,

что выгнали? Знакомьтесь! Алексей Шереметов. Позор семьи, фамилии и предков. Но мы все терпели. Крест такой. Тащили лентя на горбу, пристроили в НИИ пробирки мыть.

Когда Алексею исполнилось двадцать пять лет, семья выгнала его на улицу. Отец просто выставил парня за дверь. По какой причине?

У Валерии, младшей сестры Алексея, была любимая кружка для чая, эмалированная белая, с изображением зайчиков. Лера купила ее в каком-то маленьком магазинчике в Праге, куда ездила с мамой отдыхать. Светлана Федоровна сначала поморщилась, по ее мнению, пользоваться эмалированной посудой, кроме как на кухне, не комильфо. Но потом увидела в глазах дочки такой восторг, что воздержалась от замечания.

Однажды вечером Лерочка не нашла любимую чашку, а домработница пояснила:

– Ее взял Алексей, только он потом сразу ушел.

– Зачем она ему? – удивилась девушка и поспешила в спальню брата.

Через час домой вернулась Светлана Федоровна, стала искать дочь. В комнату сына мать заглянула лишь после того, как прислуга рассказала ей про кружку. Валерия лежала на полу. В дом примчалась «Скорая», медики констатировали смерть, приехала милиция...

После вскрытия стало ясно: Лера умерла от поражения током. Следователь расспросил Алексея, тот объяснил, что использовал чашку для проведения одного из своих научных экспериментов, подключил ее к мощному источнику тока. На беду, у девушки были проблемы с сердечным ритмом. Ничего страшного, с такой особенностью люди живут долго. Но удар тока спровоцировал остановку сердца.

Светлана, узнав правду, налетела на сына с криком:

– Зачем ты оставил на столе кружку под напряжением?

– А зачем сестра полезла в мою комнату без разрешения? – парировал тот.

Повисла пауза, потом отец спросил:

– Похоже, ты совсем не раскаиваешься в содеянном?

– Нет причины волосы на башке рвать, – пожал плечами сын, – сестра сама виновата. Не надо было переть в комнату в отсутствие хозяина.

– Но ты же взял кружку Лерочки, не спросив у нее разрешения, – зарыдала Светлана.

– Да? – удивился Алексей. – Я думал, эта уродская чашка общая. На ней не написано – «Валерия».

Матери стало плохо, а отец схватил парня за шиворот и вытолкнул его за порог со словами:

– Ты моральный урод. Забудь к нам дорогу, живи где хочешь и с кем хочешь, только не с нами...

Прошло время, у Алексея родилась девочка. И вот тогда он впервые позвонил матери и сказал:

– Я чувствую некую вину за смерть Валерии. Хочу помириться. Я женился, стал отцом. У меня родилась дочь, я назвал ее в честь тебя. Она может заменить тебе Леру.

Светлана Федоровна не поверила своим ушам, она повторила:

– Чувствуешь НЕКУЮ вину? Твоя дочь заменит мне Леру?

– Конечно, – обрадовался Алексей, – ты все правильно поняла.

И тут госпожа Шереметова сделала то, чего никогда ранее себе не позволяла и за что всегда осуждала других: громко и нецензурно выругалась.

Алексей повесил трубку, более он с матерью не общался.

Гостья замолчала. Липа посмотрела на Алю, увидела, что у той лицо побелело до синевы, а глаза словно провалились, и поняла, что подруга ошарашена сверх меры. Бедная Алевтина наконец получила ответ на свои вопросы: почему Леша назвал дочку Светланой и по какой причине он отказался от своей фамилии. Наверное, он опасался, что родные узнают о его женитьбе и расскажут Але про Леру... Или, может, просто не хотел иметь ничего общего с отцом, который пинком выставил его вон. Олимпиада решила продолжить разговор сама:

– И зачем вы приехали к вдове сына?

Светлана закрыла альбом.

– Я только сейчас узнала, что Алексей получал большие деньги. Случайно это выяснила. Потому что он сменил фамилию. Стал Зиновьевым. Отвратительный поступок. Я его мать. А значит, наследница!

– Елки-палки! – подскочила Липа. – Выгнали сына из дома, не простили его, когда он неуклюже попытался отношения наладить. Отшвырнули Алексея, как кусок дерьма, а теперь явились откусить часть наследства?

– Я мать, мне по закону положено, – заявила Светлана.

– Убирайтесь отсюда, пока я не позвала своего мужа и его брата, – пригрозила Липа, – они боксеры. Еще перепутают вас с грушей.

– Своим поведением вы вынуждаете меня к решительным действиям, – заявила госпожа Шереметова и удалилась.

После визита матери Алексея Але позвонил юрист, который предложил решить дело миром, не доводя его до суда. Вдова отказалась общаться с адвокатом, но тот продолжал упорно называть Зиновьевой.

Аля не выдержала и пригрозила:

– Если не оставите меня в покое, я обращусь в полицию.

Но наглый адвокат не испугался.

– Я бы на вашем месте согласился на любезное предложение госпожи Шереметовой.

– Какое? – процедила Алевтина.

– Она предлагает вам поделить доходы пополам.

Алевтина расхохоталась.

– Она? Предлагает мне? Я законная наследница! Вдова! А ваша клиентка так любила своего сына, что узнала о его смерти спустя много месяцев после того, как Алексея не стало. Светлана Федоровна хочет денег? Ну и пусть идет в суд!

– Хочется взглянуть на завещание покойного.

– Он его не оставил. Мы еще молодые, в голову мысли о смерти не приходили.

Адвокат издал смешок.

– Думаю, завещание было, а вы его уничтожили, потому что там упоминалась мать покойного. Похоже, вы не знаете, что завещание составляется в двух экземплярах. Один отдают на руки клиенту, а вот второй хранится в нотариальной конторе, найти его просто. Я непременно это сделаю.

Алевтина мигом прервала разговор. А юрист ей больше не звонил.

Прошло время. Как-то раз Аля уехала в издательство показывать рисунки автору. Сопровождение с писателем дело долгое, нервное. Алевтина вернулась домой и нашла Зяму... на полу своей спальни в луже крови.

Аля от ужаса потеряла разум, стала тормозить дочь, потом догадалась позвонить в клинику, где лечились Зиновьевы, вызвать «Скорую»...

У девочки оказалась тяжелая черепно-мозговая травма. В комнате Али есть камин, около него находится подставка с кочергой, совком и веником. Девочку ударили железной кочергой. Шкаф в комнате был открыт. Алевтина объяснила, что держит там коробку с деньгами, но основные средства лежат в банке. В гардеробе хранится сумма на всякий случай, вдруг понадобятся наличные. В тот день там было семьсот тысяч, а еще четыреста находились в секретере. Аля присмотрела для себя антикварный набор из серег и браслета, его выставили в интернете. Продавец требовал оплаты наличкой. Поэтому в спальне оказалось больше миллиона рублей.

Естественно, полиция заинтересовалась владельцем ювелирки, но выяснилось, что это пенсионерка в инвалидной коляске. У нее не было родственников, о продаже драгоценностей

она никому не сообщала, предполагала, что покупательница сама прилетит к ней в Питер. Стало ясно, что на Зяму напал кто-то другой.

Вечером того дня, когда случилась беда, Липа решила выбросить ковер, который лежал в комнате. Он был запачкан кровью, отдавать его в химчистку Олимпиада не хотела, она понимала: Але не надо видеть чистый палас, он все равно напомнит ей про ужас. Маркина позвала рабочего, тот стал скатывать ковер и вдруг воскликнул:

– Серьга ваша валяется! Держите!

Липа взяла украшение и сразу поняла: оно ей не принадлежит. Но она где-то видела серьгу. Тут появилась Аля, она воскликнула:

– В таких сережках приходила к нам Светлана Федоровна. Боже! Вот кто нас ограбил и чуть не убил мою доченьку!

Следователь навел справки о Шереметовой. Выяснилась неприятная правда. Мать Алексея была вся опутана долгами. Кредит на кредите. Она наняла адвоката, хотела получить часть наследства Алексея, но потом ей пришлось отказаться от услуг законника, потребовалось много средств на его оплату. Вот почему юрист перестал трезвонить Але: Светлана Федоровна ему задолжала. В последнее время госпожу Шереметову терроризировали коллекторы из банка «ГТЭКС», требовали немедленно вернуть миллион, в противном случае грозились отнять квартиру. Светлане звонили по двадцать раз в день, приезжали домой. Соседи по лестничной площадке, услышав брань и увидев, как в дверь квартиры Шереметовой бьет ногами мужик, вызвали полицию. Коллектор сбежал. Но на следующий день в подъезде и на деревьях во дворе кто-то расклеил фото Светланы Федоровны с подписью «Воровка. Берет и не отдает деньги».

И вдруг! Через день после ограбления Зиновьевой мать ее покойного мужа вернула банку «ГТЭКС» всю сумму. Следователь пригласил даму в отделение и стал задавать ей вопросы.

– Да, – ответила Шереметова, – я отдала миллион.

– Где вы его взяли? – поинтересовался дознаватель.

– Вы не поверите, – усмехнулась Шереметова, – мне их в почтовый ящик бросили. С запиской: «Погаси кредит».

– Можете показать записку? – попросил хозяин кабинета.

– Я ее выбросила, – ответила Светлана.

Следователь поморщился.

– Могли бы придумать историю, хоть как-то похожую на правду. Полагаю, дело обстояло иначе: вы следили за домом Зиновьевой, выбрали день, когда девочка ушла на занятия, мать уехала, и Олимпиада тоже укатила. Вы вошли в коттедж, общарили все, нашли миллион с лишним, и тут появилась девочка, которая вернулась домой в неурочный час. Что делать? Вы схватили кочергу и ударили Свету. Вам повезло. Коттедж стоит на отшибе, он окружен большим участком. Преступницу никто не заметил. Это могло сойти вам с рук. Но вы потеряли серьгу. Вот она.

– Нет, нет, нет, – твердила Шереметова, – нет!

– Украшение не ваше? – прищурился полицейский. – Не советую лгать. Наш эксперт непременно найдет на застёжке следы ДНК, невидимые глазу частички кожи.

– Серьга моя, – подтвердила мать Алексея, – действительно я уронила ее у Зиновьевой, но намного раньше. В тот день, когда приходила беседовать с ней о моей законной части наследства.

– Почему же вы не потребовали вернуть украшение? – поинтересовался следок.

– Бижутерия дешевая, – объяснила Шереметова, – не хотелось еще раз встречаться с глупой, дурно воспитанной бабой, которая согласилась жить с убийцей Лерочки из-за его денег! Ненавижу! Пусть они сдохнут: и мать! И девчонка! И подруга их! Все! Все! Гадины! На золоте едят! Деньгами, которые в крови Валерочки испачканы, пользуются. Их убить надо! Всех!

Глава 6

Я прервала рассказ, взяла чашку с чаем и залпом ее осушила.

– Жуть, – оценила историю Маша, – Шереметова решила обокрасть Алевтину и ударила свою внучку? После такого побоишься от себя ребенка на метр отпустить.

– Именно так и поступила Алевтина, – пояснила я, – она накрепко привязала Зяму к себе. Девочка повсюду ходила только с матерью, она ничего не помнит о нападении.

– Как так? – удивилась Маша.

Я развела руками.

– Когда Зяма пришла в себя, стало ясно: ее память словно ластиком стерли. Девочка рассказала следователю, что пришла из школы, открыла дверь... далее провал. После травмы у Зямы возникли головокружения, проблема с координацией движений. Нападение Шереметовой поставило крест на мечте девочки стать балериной. Но сейчас она все равно занимается в академии танца, овладевает профессией хореографа. Алевтина не нуждалась в деньгах, она пообещала дочке организовать для нее балетную студию. Девочка получит аттестат и будет учить малышей танцу.

– Как жаль Зяму! – ахнула Маша. – Надеюсь, бабуку надолго засунули за решетку, такого монстра нельзя оставлять на свободе.

– Шереметовой стало плохо во время допроса в полиции. Она злобно кричала, попыталась исцарапать следователя, упала... – вздохнула я, – пока «Скорая» ехала, она скончалась. Липа была так потрясена этой историей, что до сих пор помнит почти наизусть, что у Шереметовой спрашивали в полиции и как она отвечала. Следователь дал Але почитать запись допроса, а та попросила, чтобы это сделала Липа, потому что Зиновьева очень тяжело переживала случившееся с Зямой. Вот такая история.

– Кошмар, – выдохнула Маша, – родная бабушка! Из-за денег! В голове не укладывается. Сама выгнала сына! А потом примчалась за наследством!

– Светлана Федоровна дочь обожала, – напомнила я, – мать никак не хотела принять правду: произошел несчастный случай! Ей нужно было найти виновного в гибели Леры. И он оказался под рукой. Нелюбимый сын, лентяй, который целыми днями мастерит что-то в своей комнате, занимается, по мнению Светланы Федоровны, ерундой. Гордиться таким сыном трудно. А что отвечать на вопросы друзей и соседей, когда те интересуются:

– Как Леша? Куда поступил? Где учится? Или он работает?

Стыдно же признаться:

– Он балбесничает, дома сидит.

Алексей вызывал у матери одни негативные эмоции и чувство собственного бессилия. Думаю, она сына давно терпеть не могла, еще с тех пор, когда он на второй год пару раз оставался.

– О проблемном мальчике обычно заботятся больше, чем об отличнике, – возразила Манюня, – ему особое внимание требуется.

– Думаю, настоящая мать всех одинаково любит, – возразила я, – и больных детей, и здоровых, и умных, и несообразительных, и послушных, и хулиганов. На то она и мама. Более того, такая женщина хорошо относится и к чужим отпрыскам. Для женщины, которая на самом деле любит своего сына, нет чужих плохих детей. Но не все такие. К сожалению, многие гордятся только своим ребенком, они говорят знакомым и незнакомым: «Мой Ванечка в четыре месяца сам ест с ножом и вилкой, играет на скрипке, знает английский. Вашему Пете два года, а он до сих пор таблицы Брадиса не выучил? М-да! Может, вам его к детскому психологу отвести? Налицо умственное отставание».

Маша ухмыльнулась.

– Одно время я пыталась читать форумы мамаш. Надеялась найти там полезные советы. Ну, например, какой стульчик Дунечке лучше купить? Однако я быстро сообразила, что в интернете просто ярмарка тщеславия. Хвастаются приобретением самых дорогих товаров, годовалые девочки у них все, как одна, модели с мировым именем, ходят в Париже по подиумам. Нормальные адекватные матери в Сети редкость, часто у них закрытые аккаунты, они общаются только со своими.

– Светлана Федоровна, наверное, не могла даже самой себе признаться: терпеть не могу Алексея, – предположила я. – Она испытывала дискомфорт из-за того, что ненавидит сына. Если разобраться, по сути, он ничего плохого не сделал. Ну, учился отвратительно, ну, на второй год оставался, ну, в институт не поступил, был неконтактный, что-то там мастерил... Но мамыши-то и уголовников любят. Материнская любовь вообще слепа. Кроме того, в обществе принято громко вещать об обожании кровиночки. Неуютно небось Светлана себя чувствовала. И тут! Появился повод от всей души возненавидеть Лешу. Он убил Валерию! Однако если разбираться до конца, то девочка вошла без спроса в спальню брата и сама схватила кружку, которая находилась под напряжением. Алексея можно упрекнуть в бесцеремонности, он воспользовался любимой чашкой сестры без спроса. Но и она поступила не очень красиво. По идее, Валерия должна была дожидаться брата и выговорить ему: «Ты такой-сякой, противный, наглый! Зачем унес мою кружечку?» И все. Максимум, что могло произойти, – скандал у брата с сестрой.

– Ужас! – в очередной раз произнесла Маша.

– Спустя годы Светлана Федоровна узнает, что ее сын-неудачник стал богатым, получал за свое дурацкое изобретение ну очень большие деньги, – продолжила я, – а после его смерти все досталось невестке и дочери Алексея. Но она же мать! Ей тоже положен процент! Вот она и решила провести беседу с Алевтиной. Но мать стала ругать Лешу, рассказала, как он убил Валерию, нарисовала портрет жуткого монстра. Да только Аля, в отличие от Светланы Федоровны, искренне и по-настоящему любила своего мужа. Понятное дело, она возмутилась и выгнала свекровь. А Шереметова решила во что бы то ни стало получить деньги, потому что банк загнал ее в угол.

– А как она дверь в дом взломала? – спросила Маша.

Глава 7

– Зяма мне сообщила, что пару раз теряла связку ключей, – сказала я. – Алевтине пришлось перекодировать замки. Да не в них дело, а в том, что кто-то мог подобрать ключи и взлезть в дом. До того как Светлана Федоровна напала на Зяму и ударила ее, Аля спокойно оставляла дочь одну в особняке, разрешала ей без сопровождения ходить в школу. Похоже, Светлана не собиралась убивать внучку. Она ведь пришла в то время, когда Зяма должна была сидеть на уроках. Но в академии случилась авария, канализацию прорвало, всех детей отпустили. Мать Алексея не ожидала увидеть внучку, вошла в коттедж...

– Где она раздобыла ключи? – перебила меня Маша.

– Я уже говорила: Зяма пару раз их теряла, – вздохнула я, – и Аля запретила девочке брать ключи в академию. Угадай, где Алевтина их прятала, чтобы дочь, когда вернется с занятий в ее отсутствие, попала в дом?

– Только не говори, что под ковриком у двери, – выпалила Манюня.

– Именно так, – подтвердила я, – половичок наше все. По словам Липы, ключи всегда там лежали.

– Неужели еще встречаются люди, которые так поступают? – изумилась Маруся.

– Как видишь, – вздохнула я, – Олимпиада мне рассказала, что она просила Алевтину не держать ключи на крыльце. Та возразила: «У нас тихо, дом находится на удалении от остальных особняков, участок гигантский. Никто к нашему особняку не забредет». Но Олимпиада продолжала настаивать, Аля пообещала ей перепрятать связку, но так и не сделала этого.

– М-да, – буркнула Маруся, – хорошо, что девочка жива осталась.

– Да уж! Ей досталось. Аля держала документы и деньги в шкафу и в секретере...

– погоди, – остановила меня Маруся. – У них дома не было сейфа?

Я развела руками.

– Нет.

– Да почему?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Деньги всегда хранились в шкафу и в секретере. Следовательно предположил, что события развивались так: Светлана Федоровна обыскала комнату, нашла заначку в шкафу, потом опустошила секретер. И тут в комнату совершенно неожиданно вошла Зяма. Светлана ударила ее тем, что первым попало под руку, и убежала. У Шереметовой есть машина, очень старая иномарка, еле живая от дряхлости, но на ходу. Она стояла во дворе ее дома. Пока Светлана сидела на допросе, полицейские открыли ее колымагу и нашли в багажнике ту самую кочергу. Шереметова побоялась ее выбросить, оставила в своей машины. Можно предположить, что добрая бабушка намеревалась куда-то увезти орудие преступления, но не успела. Полиция быстро сработала.

– Девочка так и не помнит, кто ее ударил? – уточнила Маша.

– Память о том дне как будто водой смыло, – ответила я. – Зяма долго лежала в больнице, хорошо, что она совсем не потеряла разум.

– Ой-ой! – покачала головой Манюня. – Бедная Зяма. Ее теперь в детдом отправят?

– Надеюсь, что нет, – пробормотала я, – скорей всего Липа позаботится о девочке.

– Какой сегодня тяжелый день, – поморщила Манюня. – Вот что странно!

– Что тебя удивило? – спросила я.

– Алевтина обеспеченная женщина?

– Более чем, на ее счет каждый месяц поступают очень большие суммы.

– Зачем тогда она ходит по квартирам, демонстрируя пылесос? – резонно спросила Маша.

Я сказала:

– Хороший вопрос. Липа служила медсестрой в больнице, платили ей три копейки. Вскоре после того, как Зяма реабилитировалась после нападения, Аля предложила подруге, которую считала своей сестрой:

– Хватит за гроши пуп надрывать. Ночные дежурства, пациенты тяжелые, ни минуты покоя. Ты сильно устаешь.

– Я привыкла к такому графику, – отмахнулась Олимпиада, – в психиатрической клинике работаю много лет.

– Вот и хватит, – отрезала Алевтина, – увольняйся.

– В любой больнице медсестре приходится не особенно сладко, – сказала Липа, – средний персонал всегда на побегушках. Ну, брошу я свой в прямом и переносном смысле сумасшедший дом. И что? До пенсии мне еще пахать и пахать, придется куда-то устраиваться. В хорошее место только через чиновных знакомых попадают. А у меня высокопоставленных друзей нет. Отправляться в простое муниципальное медучреждение, где есть свободные ставки? Так это все равно что шило на мыло менять. Уж лучше я в психушке останусь, там я уважаемый сотрудник, не новичок.

И тогда Аля предложила:

– Ну ее, твою службу, лучше помоги мне с Зямой. Не могу оставить ее одну, девочка со мной в издательство ездит. Она молчит, но я же вижу: не нравится ей роль хвоста матери.

– Так отруби его, – посоветовала Липа, – Зяма начисто лишена самостоятельности, не способна сама никакого решения принять. Спрашивает у тебя, нужно ли ей руки помыть. Дай дочери хоть каплю свободы.

– Нет, нет, вдруг с ней что-нибудь случится, – испугалась Аля, – да она и сама не зачет. Мне жаль Зямочку. Едем с ней долго по пробкам до издательства. Потом я разговариваю несколько часов с редактором, обсуждаем иллюстрации. Девочка сидит в кабинете. Ей книжки дарят, чаем угощают. Все милые, но я-то вижу: дочке скучно. Короче! Ты занимаешься Зямой, а я тебе плачу. Как няне. Оклад будет точно больше, чем в психушке, нет ночных дежурств, вредных родственников психов...

Липа стала отнекиваться, но подруга ее уговорила, пообещала: если Олимпиада заскучает, то вернется назад в свою клинику на должность медсестры. На том и порешили.

Вскоре Маркина, кроме обязанностей няни, стала исполнять роль домработницы, секретаря. Недавно в поселок забрела коммивояжер, торговавшая пылесосами-роботами нового поколения. Дома находилась одна Липа, агрегат она не купила, но любезно пригласила женщину попить чаю. А та рассказала, какое выгодное занятие продажа электробытовых приборов. Ходишь по клиентам, когда захочешь, сама выбираешь время начала и окончания работы, а потом получаешь процент с продаж.

– У меня муж добытчик, – откровенничала тетка, прихлебывая чаек, – я себе на губную помаду зарабатываю. Вообще не напрягаюсь и приличную сумму имею.

Липа загорелась заняться тем же бизнесом, она взяла на фирме один пылесос, оплатила его и собралась приехать к клиентке. Олимпиада выставила за прибор двойную цену, она думала, что заказчица потребует скидки и она, Липа, снизит потолок. Но дама неожиданно сказала:

– О! Это совсем недорого. Жду вас завтра.

Маркина обрадовалась, настроилась ехать в Ложкино, а вечером... у нее выпал передний штфтовый зуб. Явиться к постороннему человеку с дыркой во рту? На это Олимпиада не способна, поэтому она упростила Алю съездить к покупательнице вместо нее.

– Утром поставлю клык на место, – пояснила она, – но у меня после укола всегда лицо раздувает, глаза опухают, я выгляжу настоящей бомжихой. Уж выручи. Зяма скоро станет совсем взрослой. А я не хочу всю жизнь только хозяйством заниматься. Попробую себя в деле продаж.

Если хорошо пойдет, открою магазин. Ты же дашь мне денег в долг? Я их верну, стану бизнесумен. Но сразу в омут торговли не брошусь. Опыта наберусь. Помоги! Съезди вместо меня.

Аля отправилась в Ложкино, перепутала улицу, очутилась у нас. Липа поехала к дантисту, во время ее отсутствия в доме появилась я. Кстати, Маркина просит найти пылесос. Ей надо его продать, чтобы вернуть потраченные на него деньги. Не знаешь, где робот?

– Понятия не имею, – удивилась Маша, – где-то в доме. Тишина стоит, не слышно ни гула, ни шума, ни пения. Сейчас попрошу Юрца походить по комнатам, найти чудо-изобретение.

– Сама поищу, – отмахнулась я, – далеко оно сбежать не могло. Наверное, по первому этажу шастает, на второй ему не подняться.

– А я в кровать, – зевнула Маруся.

Мне тоже очень хотелось спать, но раз дала обещание, то выполню его. Я обошла столовую, кухню, гостиную, комнаты для гостей, спальню, которая предназначена для домработницы, санузел, кладовки, баню, холл...

Пылесоса нигде не было. Заглянув под все диваны, кресла, столы, стулья, шкафы, я поняла, что юркий робот испарился. И куда он подевался? Хотя дом большой, вероятно, у агрегата закончилось питание, и он сейчас стоит где-то без движения. Может, заполз в туалет первого этажа? Я туда не заглядывала. Санузел предназначен в основном для гостей, мы, хозяйева, в него редко забегаем.

Я поспешила в туалет, увидела, что в нем нет и намека на искомый объект, но решила на всякий случай изучить пространство под мойдодыром, встала на колени, увидела ключья пыли... М-да. Надо как можно быстрее найти помощницу по хозяйству. В ту же секунду мой взгляд наткнулся на браслет, лежавший у левой ножки умывальника. Я подняла его и встала.

И откуда у нас это? В доме сейчас две женщины. Только не говорите, что мужчины тоже носят браслеты. Мне сложно представить Дегтярева, решившего прифрантиться с помощью таких цацек. Перед моим мысленным взором появилась комната, где полковник проводит совещания, вокруг длинного стола сидят сотрудники, одетые кто в джинсы-толстовки, кто в брюки-пуловеры. Открывается дверь, входит Александр Михайлович. На нем клетчатые штаны в бежево-коричневую клетку, ядовито-зеленое поло, голубой пиджак. На голове у толстяка с помощью геля и лака старательно уложены волосы, маленькая Маша эту прическу называла: взрыв на макаронной фабрике. В правом ухе полковника покачивается цыганская серьга, на левом запястье бренчит тьма браслетов...

Что должно произойти, чтобы Александр Михайлович вырядился таким образом?

Тихо хихикая, я стала разглядывать находку. Такая ерунда продается повсюду, стоит копейки. Всего-то небольшие бусинки на резинке, между ними полоска ткани, на ней вышито «love». Я подобное не ношу, Манюня тоже навряд ли наденет такую красоту. Вот девочка лет двенадцати придет от нее в восторг и, сэкономив на школьном обеде, легко обзаведется своей мечтой. Но у нас в семье подростков нет. Может, в мое отсутствие к Марусе приезжала в гости какая-то подруга? Маловероятно, конечно, что Саша или Ксюша повесят такой браслет на руку. Иногда близкий человек дарит тебе сущий пустяк, на который ты сама и не посмотришь, но его подарок тебе дороже всех бриллиантов мира. Второклассница Маша преподнесла мне на Восьмое марта презент. Если кто помнит, в свое время в ларьках у метро среди прочей белиберды продавались небольшие кусочки полированного гранита, из них торчали скрученные из проволоки «яблони», на ветках которых висели разноцветные камушки. Назывались конструкции – «дерево счастья». Восьмилетней Машуне оно казалось сказочно прекрасным. Куплю я сама такое? Да никогда. Но сувенир от Маруси до сих пор стоит на тумбочке у моей кровати, и это самая ценная для меня вещь.

Взяв браслет, я пошла в свою спальню. Утро вечера мудренее, завтра пылесос точно отыщется. И рано или поздно найдется владелица браслета.

Глава 8

Когда люди начинают рассказывать о своих ночных видениях, я всегда удивляюсь. Я никогда ничего не вижу после того, как выключаю свет, сплю, как кирпич. Но сегодня я неожиданно проснулась с головной болью. В мозгу плавали остатки грез. Вроде я куда-то бежала, от кого-то удирала, вокруг полыхал огонь. Оказывается, во сне можно устать!

Когда я спустилась на первый этаж, в столовой сидела одна Маша.

– Все еще спят? – зевнула я.

Маруся с удивлением посмотрела на меня.

– Все уже давно уехали!

– Куда? – удивилась я.

Маша показала на часы.

– Полдень! – ахнула я. – Почему я так долго спала?

В эту же секунду раздался звонок домофона.

– О! – воскликнула Маша. – Вовремя. Хороший знак. Мусик, пришла кандидатка в няни для Дусеньки. Мы с Юрой решили нанять помощницу на два дня в неделю. И звать ее, когда случается затык по работе.

Я открыла рот, но Маруся замахала рукой.

– Нет, нет, нет! Ты устанешь! Дунечка пока не ходит, а как только побежит, ты с ума сойдешь. У Сашки дети всю квартиру на части разобрали. Пожалуйста, не спорь. Няня – это необходимость. Здравствуйте.

Последнее слово относилось к даме в бежевом платье, которую Юра ввел в комнату.

– Добрый день, – ответила та.

– Садитесь, пожалуйста, – улыбнулась я.

Кандидатка в няни опустилась на стул.

Я кашлянула.

– Чай, кофе?

– Не употребляю, – сказала гостья, – для человека нет ничего лучше простой воды. Сколько лет девочке?

– Шесть месяцев, – ответил Юра.

– Простите, как вас зовут? – спросила я.

Няня подняла одну бровь.

– Я полагала, что вы узнали мои биографические и паспортные данные из анкеты, которую агентство рассылает тем, кто пригласил меня на интервью. Нина Сергеевна Пантина. Психолог. Педагог. Кандидат наук. Написала работу по проблемам воспитания детей.

Я уставилась на тетеньку во все глаза. К нашему берегу приплыла коллега Зои Игнатьевны, бабушки моего мужа Феликса?!

– Опыт общения с детьми и родителями у меня двадцать лет, – вещала тем временем Нина Сергеевна, – ночевать у вас не буду. Только днем буду здесь находиться. Ребенок разговаривает?

– В шесть месяцев? – изумился Юра. – Я думал, речь появляется позже... ну... э... э... года в два, три.

Няня открыла сумку и вытащила оттуда брошюру.

– Моя новая книга «Говорим с рождения». Занимаясь по методике Пантиной, младенцы начинают изъясняться раньше, чем встают на ноги.

– Ага, – пробормотала Маша, – прикольно!

Няня прищурилась.

– Обязательное правило в доме, где появился ребенок: никаких сленговых выражений. Или вы хотите, чтобы малыш начал...

– У нас девочка, – перебила я.

– Тем более, – не смутилась Пантина, – или вы хотите услышать, как она лет в пять матерится, будто пьяный грузчик?

– В нашем доме никто не ругается... – начала я, и тут из коридора полетел вопль:

– Немедленно скажите: кто это сделал? Кто? Кто?

Няня вздрогнула, в столовую влетел Дегтярев.

– Ты же уехал! – изумилась Маша.

Полковник покраснел.

– Да! Но какая-то дрянь взяла мой телефон и не вернула! Дарья, это ты?

– Нет, нет, нет, – возразила я. – Зачем мне твоя трубка? У меня своя есть!

– Сердцем чую: это неправда, – разъярился толстяк, – небось ты посеяла свой айфон! Схватила мой! Безобразие! Из-за тебя я везде опоздал! Ехал в СИЗО!

– Куда? – опешила няня.

– В следственный изолятор, – уточнил полковник. – Сидеть мне теперь там за решеткой до морковкина заговенья. А все Дарья! Из-за нее сейчас тут топчусь! И телефона нет!

Нина Сергеевна вжалась в кресло, Александр Михайлович стал метаться по столовой:

– Где? Где? Где она?

– Если ты ищешь маму, то она сидит у стола, – напомнила Манюня, – в последний раз я видела твою трубку в ванной.

Полковник притормозил.

– В чьей?

– В твоей, конечно, – удивилась Маша.

– Никогда туда не захожу, – рявкнул толстяк и бросился к лестнице.

Я повернулась к няне.

– На чем мы остановились?

– Э... э... – промямлила гостя.

И тут в столовой материализовался Феликс.

На сей раз фраза «Ты же уехал!» вылетела из моего рта.

– Видишь ли, дорогая, – ответил профессор, – случился казус... я хотел позвонить, достал из кармана мобильный, а он Дегтярева! Ума не приложу, каким образом его трубка ухитрилась в мой пиджак попасть? Никогда, даже случайно, я не прихватываю чужие вещи.

– Уверен, что телефон принадлежит Александру Михайловичу? – уточнила я. – Он же розовый?!

Маневин вручил мне айфон.

– Вот. Можешь удостовериться. Ох, я не заметил, что у нас гостя. Добрый день, прошу меня простить, что не представился. Профессор Феликс Маневин.

Няня расцвела в улыбке.

– Нина Сергеевна Пантина, специалист по воспитанию детей с нуля и до сорока пяти лет. Кандидат наук, автор многих книг. Рада встрече.

– Странное дело, – удивилась я, рассматривая аппарат, – телефонная книжка Дегтярева, его инстаграм, гид по ресторанам...

– Что? – подпрыгнула Маня. – Он жрет в харчевнях?!

– Похоже, да, – подтвердила я, – и еще отмечает их в своем рейтинге! Вчера, например, он обедал в «Папа Буратино», съел оливье, салат из шпината, свиные медальоны с жареной картошкой, рыбу на пару, пил воду с газом и без того, кофе, чай, слопал пирожное со взбитыми сливками и два мороженных. А в своем рейтинге поставил пять звезд за обслуживание и качество еды.

– Странный выбор! – поразился мой профессор. – Свинина, рыба, все напитки...

– Ничего необычного, – ответила я, – ужинали двое: Александр Михайлович и какая-то женщина. Она ела шпинат, рыбу, выпечку со взбитыми сливками, пила чай. Он слопал все остальное.

– Мороженое? – зловещим тоном произнесла Маша. – Пломбир?

– Судя по рейтингу, десерт состоял из ванильных шариков под шоколадным соусом и «подушки» из марципана и безе, – наябедничала я.

– Так, – протянула Маша, – так.

Глава 9

– Где мой телефон? – загремело со второго этажа. – Где?

Звук приблизился, в столовую ворвался Дегтярев, цвету щек которого могла бы позавидовать спелая клюква.

– Саша, будь любезен, не нервничай, – начал Маневин, – случился странный поворот сюжета...

– А вот! – заорал полковник, подскочил ко мне и выхватил из моих рук трубку. – Так я и знал! Зачем ты спрятала мой мобильный?

– Только сейчас взяла его в руки, – начала оправдываться я.

– Всегда за мной шпионишь! – пошел вразнос толстяк.

– Да никогда! – возмутилась я.

– У кого сейчас аппарат? – наседал толстяк.

– У тебя, – ответила я, – я взяла его только что у Феликса, просто не поверила, что у тебя трубка розового цвета.

– Это чехол, – буркнул Дегтярев.

Мы с Машей рассмеялись.

– Мне его подарили! – снова рассердился полковник. – Нечего мне зубы компостировать!

– Ты, наверное, хотел сказать: заговаривать? – предположил Феликс.

– Что решил, то и сказал, – рявкнул толстяк. – Нет, я с ума сойду! Объясните...

– Лучше расскажи, чем ты вчера ужинал? – вкрадчиво спросила Манюня.

– Не помню, – отмахнулся толстяк, – овощами. Ужасной отварной капустой, которую Дарья приготовила.

– Оливье, свинина, мороженое, – начала загибать пальцы Маруся.

– Даже не смотрю на них, – не моргнув глазом солгал толстяк.

– Помнится, кто-то хотел меня в детстве выдрать ремнем, да не за прогул контрольной по математике, – вспомнила Маруся, – а за то, что я маме соврала, что занятия отменили. А сам «кто-то» сейчас лжет. У тебя все в рейтинге ресторанов указано!

– Дарья все-таки шарила в моем телефоне, – взвыл полковник, – мне надоела диета! Осточертела! Хорошо вам один капустный лист в день жевать! У вас нет никаких забот. А я! Сижу в тюрьме! Уже месяц! Туалет там страшнее ада! Народ вокруг – одно ворье! Где пожарть? Целый день не евши, не пивши! В тюрьме. А почему я там?! Потому что маньяк...

Александр Михайлович закашлялся, схватил свой мобильный и удрал.

– Слава богу, я Саше трубку вернул, – обрадовался Маневин, – удаляюсь на лекцию. Всем до свидания. Нина Сергеевна, рад знакомству.

– Я тоже, – еле слышно ответила няня, о которой все забыли.

Мы с Машей переглянулись.

– Понимаете, – начала я, – Александр Михайлович на самом деле уже месяц сидит в тюрьме, но...

Договорить мне не удалось, с громким лаем в столовую внеслась Афина. На спине ее восседал ворон Гектор, за сладкой парочкой трусил мопс Хуч, за ним резвым аллюром хромала пуделиха Черри. Замыкала шествие Мафи, она несла в зубах какую-то тряпку.

Увидев в столовой постороннего человека, весь зверинец замер.

– Знакомьтесь, это наши песики, – засуетилась я, – они тихие, не кусаются, лают только по праздникам, сейчас, похоже, гулять ходили. Они умные, сами открывают заднюю дверь. Мафи лапой на ручку нажимает, Афина задницей, ох, простите, филеем дверь толкает. Потом сами закрывают. Никогда не безобразничают! Вы как относитесь к животным?

– Я кандидат наук по воспитанию людей, – пропищала Нина Сергеевна, поджимая ноги, – со зверьем не общаюсь. И...

– Не слушай глупую! – каркнул Гектор.

– Мама! – взвизгнула кандидатка в няни. – Он разговаривает.

– Балда ты, матушка, – голосом диктора Игоря Кириллова объявил Гектор и клюнул Афины в макушку. – Шевелись, убогая.

Собакопони сделала пару шагов вперед.

– Они милые, – продолжала я. – Гектор очень умный, и да, он умеет говорить. Остальные, к счастью, не болтливы. Мопс Хуч тихий, очень ласковый. Пуделиха плохо видит, но...

– Б-б-блохи, – прозаикалась Нина Сергеевна, – г-глисты.

– Совсем безумная, – захохотал Гектор, – сама такая! Вон вошь на голове!

Нина Сергеевна застыла, и тут Мафи выплюнула тряпку, которую держала во рту.

– Елки! – подпрыгнула Маша.

– Доставай игрушки, хлопушки, фонарики, – обрадовался ворон, – повесь пряники!

– Даже не проси, – решительно отказала я, – кто в прошлый Новый год слопал всех шоколадных зайчиков, которых мы по глупости на елку повесили?

Маша показала пальцем на пол.

– Мусик! Это мышь! Мафуня поймала полевку!

«Тряпка» вскочила на лапки и помчалась к буфету. С громким лаем Мафи ринулась за удирающей добычей. Афина, воя в разной тональности, последовала за подругой. Гектор взлетел под потолок и начал истошно хохотать.

Мафи легла на пол и засунула голову под буфет. Одна Черри мирно дремала на полу, пуделиха плохо видит, и со слухом у нее проблемы, поэтому она пребывает всегда в полнейшем спокойствии. Хуч сел и тихо тьякнул. Я увидела, как прямо перед ним медленно и торжественно прошла мышь.

– Грызун! – завизжала Нина Сергеевна и вскочила на стул.

– Не бойсь! – каркнул Гектор. – Не сожрет!

Мафи завывала из-под буфета, Хуч неожиданно залаял, Афина решила, что приятеля кто-то обидел, кинулась к мопсу, но по дороге не справилась со своим телом, когда она заворачивала за обеденный стол, ее передняя часть бежала медленнее задней. Попа Афины неумолимо стала приближаться к голове, наша девушка превратилась в колесо, проехала по паркету до стула, на котором стояла, визжа от ужаса, кандидат наук по обучению младенцев, толкнула его... Две ножки с треском сложились. Нина Сергеевна с оглушительным воплем рухнула на пол и замолчала.

– Авария, – подытожил Гектор, – доставай кошелек.

Афина выпрямилась и резво вскочила. Хуч громко лаял, Черри продолжала храпеть. Пуделиха живет в своем мире, у нее там сейчас по расписанию сладкий сон.

Маша кинулась к няне.

– Вы живы?

– Нога! – простонала кандидат наук. – Похоже, я ее сломала.

– Сейчас посмотрю, – пообещала Манюня, – только руки помою.

– Она врач? – прошептала Нина Сергеевна.

– Ветеринар, – объяснила я.

– Я уже тут, – сказала Манюня, влетая в комнату. – Где болит?

– Не надо меня ощупывать, – оказала сопротивление Пантина, – я не собака, а человек.

– Совершенно с вами согласна, – кивнула Маруся, – люди больше похожи на свиней.

– Я не свинья, – прошептала Нина Сергеевна.

– Конечно, нет, но это животное ближе к нам, чем все остальные, – бубнила Маруся, глядя на ногу няни, которая распухла прямо на глазах. – Мусик, вызови «Скорую». Похоже, у нас и впрямь перелом.

Пока к нам ехали врачи, мы с Марусей пытались успокоить Нину Сергеевну, которая тихо заплакала:

– Не хочу в муниципальную больницу.

– Вас отвезут в платную, – пообещала я.

– Нет, нет, у меня нет денег.

– Я договарюсь с врачами, – пообещала Маруся.

– Нет, нет, не желаю выглядеть нищей!

– Вы отправитесь к доктору, который работает по ОМС, – сказала я.

– Нет, нет, не хочу в муниципальную клинику. Мне там вторую ногу сломают, – зарыдала Пантина.

Ситуация зашла в тупик, на пару секунд в столовой стало тихо, только громкий храп Черри витал в воздухе. Потом я открыла рот, и тут раздался собачий плач.

– Мафичка! – испугалась Маша. – Ты где?

Я завертела головой в разные стороны.

– Под буфетом, – неожиданно сказала Нина Сергеевна.

Мы с Машей бросились к буфету и увидели попу и хвост Мафи.

– Как ты ухитрилась пролезть наполовину под шкаф с посудой? – обомлела Манюня. – Он же едва приподнят над полом.

– Мышь поймать захочешь, не так раскорячишься, – голосом Дегтярева заявил Гектор, – в тюрьму ее! Пожизненно!

Я схватила Мафуню за задние лапы и потянула. Почти вся собака легко выехала назад в столовую, а вот голова не хотела освобождаться.

Маша встала на колени и заглянула в щель между полом и днищем буфета.

– Уши! Они мешают! Надо приподнять буфет.

– Отличная идея, – одобрила я, – но у нас не хватит сил.

– Давай попробуем, – азартно предложила Маруся. – Двигать его нельзя, поранит Мафизлу, надо только поднять. Ты справа, я слева.

Я вешу сорок пять кило, Маруся чуть больше, но она и выше меня на десять сантиметров. Стоит ли объяснять, что двум комарам не удалось оторвать буфет от пола?

– Фу, – выдохнула я.

Мафи мигом сообразила, что спасательная операция провалилась, и громко зарыдала, Маша погладила ее по спине.

– Не плачь, сейчас мы тебя освободим.

– Нужен рычаг, – подсказала Нина Сергеевна, – возьмите длинную доску, положите ее на что-нибудь вроде низкой табуретки, один конец засуньте под шкаф, на второй встаньте. Буфет поднимется, а я выдерну собаку.

– У вас нога сломана, – напомнила Маша.

– Зато руки и голова целы, – напомнила кандидат наук, – бедная псинка так стонет, прямо как малый ребенок. Нет сил ее слушать! Я поползу к шкафу, а вы ищите все необходимое.

Мы с Манюней заматались по дому.

– Хорошо, что Дунечка спит крепко, – радовалась Маша, притаскивая в столовую маленькую табуретку из гостиной.

– Повезло нам с ребенком, – согласилась я, волоча доску из спальни Дегтярева.

Толстяк вот уже год, как хочет прибить ее к стене, превратить в полку, но у него все руки не доходят. Думаю, и не дойдут.

– Главное, вам одновременно встать на деревяшку, – распорядилась кандидатка в няни, она сидела возле попы Мафи и нежно гладила рыдающую псинку.

– Нет, лучше прыгнуть! Импульс будет сильнее, буфет точно поднимется.

– Раз, два, три, – скомандовала Маша и прыгнула на поднятый конец широкой доски, я выполнила тот же трюк, ноги пролетели мимо доски, и я села на нее пятой точкой. Послышался натушный скрип.

– Ура! – закричала Нина. – Собака свободна. Теперь опускайте аккуратно буфет, не бросайте одновременно доску.

Маша прыгнула, меня зашатало из стороны в сторону.

– Беги, падает! – истошно завопила няня, и в ту же секунду темная гора рухнула.

Я зажмурилась и оглохла от грохота и звона разбитой посуды. Потом стало так тихо, что у меня заболела голова.

– Муся, ты жива? – прошептала Маша.

Я открыла глаза, увидела прямо перед собой Марусину голову и прошептала:

– Вроде да. А ты?

– Покойники не разговаривают, – сказала откуда-то сбоку Нина Сергеевна, – раз шевелим языками, значит, мы пока на этом свете. Мафи я успела отпихнуть подальше.

– Чудная картина, как ты мне мила... – произнес незнакомый мужской голос. – «Скорую» вызывали?

– Да, – хором ответили мы.

– Меня зовут Нина Сергеевна Пантина, – завела няня, – я специалист по детскому воспитанию, кандидат наук, автор многих книг. А вас как величать?

– Голос из-под шкафа, – засмеялся мужчина, – сначала выползи, потом побеседуем.

– Мы, хрупкие женщины, не можем самостоятельно поднять дубовый буфет, – продолжала няня. – Вы к нам прибыли один или с коллегой?

– Нас двое, – ответил чей-то бас.

– Мальчики, спасите нас, – попросила я.

– Ну и смена! – загудел доктор. – В одной квартире псих с пистолетом, в другой девка с крокодилом. «Скорую» вызвала, чтобы мы ее аллигатору ногти постригли. Теперь бабы под деревянной фигней и кладбище чашек!

– Забавный денек, – согласился басок. – Дмитрий Владимирович, хватайте фигню слева, я справа. На раз-два. Бабы, отползайте!

Я быстро заработала руками и ногами и вмиг очутилась возле храпящей Черри. Рядом через секунду оказалась Маруся.

– Ау! Кандидат наук, – позвал коренастый черноволосый парень, – давай, шевелись!

– Прощу извинить за неспешность перемещения, – пропыхтела няня, – но у меня, по всей вероятности и если верить диагнозу, который поставила ветеринар Маша, сломана нога. Боль в ней снизила мою обычную прыткость.

– Лечитесь у ветеринара? – уточнил парень в пуловере. – Не доверяете официальной медицине?

– Как вы со сломанной ногой буфет опрокинули? – удивился второй мужик. – И почему вы живы остались-то?

Нина Сергеевна выползла из руин посуды.

– Вот таким причудливым образом сегодня сложились наши судьбы, – философски сказала она.

Маша улыбнулась доктору.

– Здравствуйте, я тот самый ветеринар, который диагностировал перелом. Вы поможете нам буфет поднять?

Глава 10

В районе одиннадцати вечера я вошла в комнату, где обычно жила домработница, села в кресло и завела разговор:

– Нина Сергеевна, у вас нет семьи.

– Именно так, – согласилась дама, – моя жизнь отдана науке и детям.

– Нога у вас сломана, – продолжила я.

– Порой случаются неприятности, но их надо переносить стоически, – заявила Пантина.

– Согласна, – сказала я, – у нас с Машей есть предложение: оставайтесь в нашем доме.

– Благодарствую, – кивнула Пантина, – но жалость унижает человека.

Я изобразила удивление.

– При чем тут жалость?

– Вы решили проявить милосердие, – сказала Нина Сергеевна, – пригласить меня.

– Вовсе нет! – возразила я. – Мы ищем женщину, которая привьет ребенку манеры, научит его правильно пользоваться столовыми приборами и все остальное.

– О да! Хорошее воспитание всегда помогает в жизни, – согласилась моя собеседница.

– Пойдете к нам в няни? – прямо спросила я.

Кандидат наук поставила брови домиком и промолчала.

– Мы вас немного испугали, – вздохнула я, – но на самом деле члены семьи тихие. Просто сегодня суматошный день выдался.

– Шум меня не смущает, – сказала Нина Сергеевна, – я работала десять лет у цыганского барона. Владимир хотел, чтобы двенадцать его детей обрели правильные манеры. Поэтому не допускал к ним никого из своего табора. В вашей семье я себя сегодня прямо как у Володи дома почувствовала.

– Вы согласны? – обрадовалась я. – У нас одна Дуняша. На одиннадцать детей меньше, чем на вашей прежней службе. Жить будете в этой комнате. Зарплату согласны перечислять вам как хотите: наличными, на карточку, все равно.

– Ну... – протянула дама, – уважаемая Дарья... простите, ваше отчество...

– Просто Даша, – отмахнулась я, – отчество старит.

– Вы полагаете? – удивилась Нина Сергеевна.

– Маша или Мария Ивановна, кто из них моложе? – спросила я.

– Первая, – незамедлительно сказала Пантина, – интересно. Никогда не думала об отчестве в таком контексте. Хорошо, Даша. Меня смущает сломанная нога! Во-первых, она в лубке, я по дому не могу передвигаться. Во-вторых, доктор запретил мне на пятку наступать.

– И не надо! – сказала я. – Ден!

В комнату заглянул Денис, сын моей лучшей подруги Оксаны Глод, крестный отец Дунечки.

– Тащить?

– Давай! – скомандовала я.

Парень втолкнул в комнату инвалидное кресло с подставкой, которая лежала на колесах, и зачастил:

– Добрый день! Я ветеринар! В нашу клинику поступили для проведения эксперимента на предмет внедрения специальные коляски для плохо ходящих людей! Предлагаю вам стать участником апробации.

– Сначала ветеринар мне поставила диагноз, теперь другой Айболит привез средство передвижения, – улыбнулась Нина Сергеевна, – забавно.

– В мире много смешного, блажен тот, кто видит забавное под грузом повседневного горя, – заявил Денис.

– О! Вы очень умны для своего возраста, – восхитилась кандидат наук.

– Я полный идиот, – сказал Дениска, – откуда у ветеринара ум? Я процитировал вам Сократа.

Я спрятала улыбку. Предупредила Дениску, что Нина чрезвычайно серьезная дама, чувством юмора она, похоже, совсем обделена. Вот поэтому он и старается. Думаю, цитату из Сократа сын Оксаны секунду назад выдумал в порыве вдохновения.

– Но почему ветеринарам вдруг дали кресла для людей? – удивилась Пантина.

Я опешила. Отличный вопрос! Жаль, ответа нет. Когда мы привезли Пантину в клинику и там выяснилось, что у нее нет никого из родни, а живет она в съемной квартире, Маша сразу шепнула мне на ухо:

– Нельзя ее бросать.

– Ты права, – ответила я.

– Она в нашем доме упала, – продолжала Маруся, – поползла помогать Мафи вытащить, пожалела собаку. Давай предложим ей место няни. Похоже, Пантина не согласится просто так у нас жить. Надо взять напрокат инвалидное кресло. Я знаю где! У Дена есть друг Костя Петров, он и его дядя владеют фирмой, которая медоборудование и инвентарь в аренду сдает. Только надо Нине сказать, что мы не платили за каталку. Нам ее просто так дали.

Мы с Марусей мигом сочинили историю про эксперимент, которую расскажем Пантинной, позвонили Денису, отправили его к Константину. И сейчас гениально написанная пьеса рассыпается из-за простого вопроса: почему кресло на колесах попало к ветеринару, а не в какое-нибудь травматологическое отделение?

– Как? Неужели я не сказал? – изумился Денис. – Видите вот это кольцо впереди под сиденьем? Седок привязывает к нему поводок, и собака его тащит. На самом деле перед вами не простая инвалидная коляска, а высокотехнологическая колесница!

– Очень интересно, – восхитилась Нина Сергеевна, – спасибо, Денис... э... ваше отчество...

– Просто Ден, – улыбнулся парень, – отчество, как и борода, старит.

– М-м-м, – промычала кандидат наук, – вы уже второй, кто это говорит.

Я выдохнула.

– Ну, как? Договорились?

– Хорошо, – согласилась Пантина, – но поскольку мне предстоит провести в вашей семье не один день, чтобы не совершить фо-па¹, хочется кое-что прояснить.

– Спрашивайте, – кивнула я.

– Заранее прошу прощения за интерес, если он вам покажется неуместным...

– Начинайте.

– Представьте всех, кто живет в доме, – попросила няня.

– Моя дочь Маша, – начала я, – ее муж Юра, их дочка Евдокия. Александр Михайлович Дегтярев.

– Он уголовник? – уточнила Нина Сергеевна. – Не ради праздного любопытства спрашиваю. У цыганского барона было девять братьев, все воры. Они то садились в тюрьму, то выходили на свободу. Литературный русский язык остался за гранью их понимания. Мне пришлось выучить сленг криминального мира. По фене ботать я отлично умею!

– Ух ты! – восхитился Ден. – Круто.

– Я думала, что воспитание педагога предполагает отсутствие в его лексиконе нецензурных выражений, – удивилась я.

¹ Фо-па – faux-pas – в переводе с французского – неверный шаг. Употребляется в значении «неправильное поведение».

– Хорошее воспитание предполагает, что учитель сначала опускается до ученика, а потом постепенно поднимает ученика до своего уровня, – пояснила Нина Сергеевна, – поэтому я хочу точно знать, кто такой Дегтярев.

– Полицейский полковник, – объяснила я, – в тюрьму он ходит для допроса заключенных. Сейчас у него подследственный, страшный человек. Чтобы с ним поговорить, Дегтяреву приходится часами ждать, пока освободится специально оборудованный кабинет.

– А-а-а, – протянула Нина Сергеевна, – только не подумайте, что я из тех, кто безразлично морщит нос, услышав о ком-то не самые лестные отзывы. От сумы и от тюрьмы не зарекайся. В лагере постоянно кого-то в каталажку сажали, потом выкупали. Мне надо понять, как себя вести! Ребенку, у которого отец маньяк, а мать дама легкого поведения, я обязана привить гранитно-нерушимые моральные устои. Понимаете?

– Конечно, – кивнула я, – но у нас живут исключительно благонадежные граждане.

– Это облегчает мою задачу, – сказала няня, – если муж полицейский...

– Дегтярев не женат, – быстро уточнила я, – он просто друг. Мой супруг профессор Феликс Маневин. Он принес телефон полковника, который непонятно как в его кармане очутился.

– Они постоянно свои вещи путают, – добавил Денис, – один раз Феликс забыл у Даши в ванной свой халат, Дегтярев его надел, а потом сердился, что он ему мал.

– Поняла, – кивнула Нина Сергеевна, – приятные мужчины. Оба. Что профессор, что полковник. Но я бы для семейной жизни выбрала господина Маневина. Он умеет держать себя в руках. А это так важно в быту. Спасибо за разъяснение, я все поняла. Завтра приступлю к исполнению обязанностей.

Мы с Деном вышли в коридор.

– Что-то лицо у тебя какое-то озабоченное! – удивился сын Оксаны и пошел в столовую.

А я потопала на второй этаж. У меня озабоченное лицо? Нет у меня никаких печалей. Беспокоит ли меня, что Нина Сергеевна решила, будто мы с Феликсом и полковником живем дружной шведской семьей? Да про нас с Александром Михайловичем давно даже сплетничать перестали. Все его коллеги и начальники абсолютно уверены, что я и толстяк состоим в многолетнем гражданском браке, а теперь к нам присоединился Маневин. У болтунов нет ни малейшего повода так думать, но чужой язык узлом не завяжешь, свой бы удержать! У Нины Сергеевны после сообщения Дениски про халат точно появилась твердая уверенность в том, что хозяйка, ее законный муж и любовник прекрасно себя чувствуют. А как обстояло дело в действительности? Феликс повесил свой халат в ванной, она у нас общая, одна на обе спальни. А у Дегтярева сломалась электробритва. Полковник решил взять ее у Маневина, забежал в санузел, стал рыться в шкафчике и уронил на себя мой флакон с жидкими румянами. Громко крича: «Понаставили капканов, бритву не найти», толстяк снял свое испачканное домашнее одеяние, не испытывая смущения, нацепил мой халат и убежал. Все! Ден не соврал, Александр Михайлович, шагая по лестнице, причитал, что я не умею стирать вещи, халат Феликса после того, как нерадивая хозяйка его прокипятила, сел на пару размеров... Денис-то правду сказал. А как его поняла няня? Вот так и рождаются слухи.

Глава 11

Почему мой телефон утром отчаянно трезвонит именно в то время, когда я мою голову? Я схватила душ и попыталась смыть пену с волос, но та никак не желала смываться. А телефон все гавкал и гавкал. В прямом смысле этого слова. У меня вместо музыки записан лай Хучика. В конце концов я одновременно схватила полотенце и трубку.

- Слушаю.
- Здравствуйте, – прошептали в ответ.
- Говорите, пожалуйста, громче, – попросила я.
- Здравствуйте, – повторил тоненький голосок и замолчал.
- Кто вы? – спросила я.
- Зяма. Мама умерла.

Что можно сказать девочке в таком случае? Я всегда теряюсь, когда надо выразить соболезнование. Все фразы кажутся мне неуместными. «Сочувствую вашему горю», «Держитесь, я с вами», «Соболезную» – на мой взгляд, эти слова никого не утешат, а придумать вместо них что-то получше не получается.

Из трубки слышались всхлипывания.

- Могу я тебе чем-то помочь? – спросила я.
- Да.
- Говори, я все сделаю.

– Я подарила маме браслет из бусин. Между ними тканевая вставка со словом «love», – медленно заговорила девочка, – он дешевый, но мне он очень дорог. Я хотела, чтобы мамочку с ним похоронили. А украшения нет. Если вы вдруг его у себя дома найдете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.